

ПАПА ЛЕВЪ XIII.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

II.

Воспитаніе I. Печчи въ коллегіи Витербо. Вопросъ о тоназурѣ. Обученіе въ римской коллегіи. Курсъ въ академіи знатныхъ клириковъ. Возведеніе въ достоинство прелата. Принятіе священнаго сана. Назначеніе делегатомъ въ Беневентъ. Характеристическія черты Печчи при вступленіи на общественную дѣятельность.

Иезуитская коллегія въ Витербо представляла тогда собою нѣчто подобное нашимъ современнымъ прогимназіямъ, т. е. учебное заведеніе съ младшими классами, гдѣ изучались лишь такъ называемыя „studia inferiora“. Господствующая цѣль преподаванія здѣсь состояла въ томъ, чтобы научить воспитанниковъ владѣть латинскимъ языкомъ въ возможно-большемъ совершенствѣ, а потому главнѣйшими предметами изученія были грамматика, синтаксисъ, словесность и реторика. Греческимъ языкомъ занимались гораздо менѣе, а другіе предметы, какъ математика, географія и свой родной языкъ, находились въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Преподаваніе классическихъ языковъ, преимущественно латинскаго, велось посредствомъ перевода избранныхъ отрывковъ изъ произведеній разныхъ древнихъ писателей, при чемъ воспитанниковъ заставляли заучивать наизусть эти отрывки и цѣлыя собранія отдѣльныхъ фразъ, подобранныхъ въ надлежащемъ порядкѣ. Дѣтямъ вмѣнялось въ обязанность и говорить между собою по латыни, наблюдая при этомъ другъ за другомъ; нарушеніе же этой обязанности тотчасъ навлекало на виновнаго установленнаго наказанія. Идеаломъ совершенства выставлялся Цицеронъ, которому каждый пи-

томецъ коллегіи и старался подражать по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. На развитіе самостоятельной мысли учащихся не особенно обращали вниманіе; скорѣе даже, наоборотъ, старались пріучить ихъ какъ можно болѣе подчиняться авторитетамъ. Признавалось особеннымъ достоинствомъ, если ученикъ каждую мысль и каждую фразу своего письма или рѣчи сумѣетъ подтвердить авторитетомъ какого-либо извѣстнаго писателя и еще лучше, если выразитъ ее его подлинными словами. Подбирая готовые фразы изъ Горация и Виргилія, ученики составляли латинскіе стихи на заданныя темы; заучивали и разыгрывали латинскія комедіи, даже не Плавта и Теренція, а собственнаго издѣлія ¹⁾. Таковъ былъ общій строй этихъ „*studia inferiora*“, которыми должны были заниматься и питомцы Витербо.

Отдавая своихъ дѣтей въ коллегію, Анна Печчи, какъ любящая мать, прежде всего и больше всего беспокоилась, конечно, о томъ, какъ-бы они не затосковали и не заболѣли отъ разлуки съ семьей и отъ непривычной для нихъ обстановки школьнаго общежитія. Благодаря ея заботамъ и личному знакомству съ папскимъ делегатомъ въ Витербо, монсенъеромъ Лолли, и ректоромъ коллегіи патеромъ Убальдини, дѣти окружены были особеннымъ вниманіемъ, а ихъ образъ жизни и успѣхи въ занятіяхъ стали предметомъ оживленной переписки, завязавшейся между Карпинето и Витербо. Судя по письмамъ, все шло вполне благополучно. Мать радовалась, что получаетъ изъ Витербо самую лучшія вѣсти; что дѣти очень довольны, пользуются хорошимъ воздухомъ въ загородной виллѣ, много играютъ и хорошо кушаютъ. Самъ девятилѣтній Винченцо писалъ родителямъ: „пріѣзжайте и Вы будете довольны, потому что мы толстые, розовые и въ добромъ здоровьи. До сихъ поръ мы ничѣмъ не хворали, ни лихорадкой и никакой другой болѣзнію“. Дисциплина коллегіи, повидимому, совсѣмъ не отличалась суровостію, ибо мальчикъ пишетъ о частыхъ завтракахъ у делегата, объ играхъ, прогулкахъ и поѣздкахъ на загородныя виллы. Ко всему этому присоединялись еще частыя письма матери, сопровождавшіяся присылкой пирожковъ.

¹⁾ К. Шмидтъ. Исторія педагогики, перев. Циммермана томъ III, стр. 227—229.—Москва 1880.

разныхъ лакомствъ и картинокъ съ изображеніями святыхъ, которыя, по словамъ Винченцо, доставляли ему особенное удовольствіе. Какъ дѣти нисколько не тяготились своимъ пребываніемъ въ школѣ, такъ, съ другой стороны, и воспитатели были довольны дѣтьми, постоянно отзываясь о нихъ съ похвалою. Ректоръ напр. писалъ однажды: „Винченцино продолжаетъ вести себя превосходно; мнѣ онъ представляется маленькихъ ангельчикомъ“, а товарищи прозвали его „*Mater pietatis*“, такъ какъ находили въ немъ большое сходство съ этимъ изображеніемъ Богоматери.

Въ учебныхъ занятіяхъ своихъ братья Печчи оказывали хорошіе успѣхи. М-ръ Лолли 27 августа 1822 г. сообщалъ напр. ихъ матери пріятную вѣсть, что при торжественной раздачѣ наградъ въ его присутствіи дѣти ея удостоены высшихъ отличій. Старшій получилъ первую награду, т. е. большую серебрянную медаль, а Винченцо—вторую, т. е. серебрянную-же медаль меньшаго размѣра, за успѣхи въ словесности. Будущій папа былъ очень самолюбивъ и усиленно напрягался въ занятіяхъ, чтобы превзойти всѣхъ своихъ товарищей по классу. Одинъ изъ этихъ товарищей впоследствии, уже будучи престарѣлымъ іезуитомъ, рассказывалъ, что между нимъ и Винченцо Печчи нѣкоторое время было постоянное соперничество и они неоднократно смѣняли другъ друга, занимая первое мѣсто въ классѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соперникъ одерживалъ верхъ, Винченцо такъ близко принималъ это къ сердцу, что ему стоило большого труда сдержать себя и не обнаружить слишкомъ явно своего огорченія. „Теперь между нами“, добродушно замѣчаетъ старый іезуитъ, „уже нѣтъ соперничества; онъ всегда первый“. Въ латинскомъ языкѣ, который преподавалъ въ коллегіи патеръ Джирибальди, Винченцо скоро сталъ достигать очень большихъ успѣховъ, въ особенности увлекаясь латинскимъ стихосложеніемъ. Будучи только еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже просилъ у матери, чтобы она достала и прислала ему „*Regia Parnassi*“, такъ какъ ему очень хочется научиться составлять латинскіе стихи. Свое желаніе онъ скоро, благодаря настойчивымъ стараніямъ, сталъ приводить въ исполненіе. Въ письмахъ къ родителямъ начали появляться первые опыты его латинскихъ стихотвореній, а въ 1822 году съ однимъ изъ своихъ стихотворныхъ произведеній онъ вы-

ступилъ уже и на публичный судъ. Въ это время посѣтилъ коллегію провинціалъ іезуитскаго ордена Винченцо Павони. Въ честь именитаго и просвѣщеннаго посѣтителя начальство коллегіи устроило одно изъ тѣхъ обычныхъ школьныхъ торжествъ, которыми іезуиты такъ любили пользоваться для того, чтобы съ одной стороны возбудить и оживить чувство соревнованія среди учащихся, а съ другой — выставить на показъ ихъ способности и успѣхи. На этомъ торжествѣ маленькій Печчи привѣтствовалъ м-ра Павони слѣдующимъ латинскимъ четверостишіемъ:

Nomine Vincenti, quo tu, Pavone, vocaris,
Parvulus atque infans Peccius ipse vocor,
Quas es virtutes magnas, Pavone, secutus,
Oh! utinam possim Peccius ipse sequi! ¹⁾.

И по замыслу и по исполненію этотъ опытъ для двѣнадцатилѣтняго мальчика можно, конечно, признать блестящимъ.

Среди учебныхъ занятій въ коллегіи, на братьевъ Печчи со стороны близкихъ имъ людей сдѣлано было нѣкоторое, совершенно неожиданное для нихъ, покушеніе. Еще въ мартѣ 1821-го года Анна Печчи обратилась къ м-ру Лолли съ усерднѣйшею просьбой, чтобы онъ удостоилъ ея дѣтей тонзуры. „Я желаю“, писала она, „сдѣлать своихъ дѣтей клириками и поставить ихъ на духовную каррьеру. Если, когда они придутъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, у нихъ не будетъ къ тому желанія, они вполнѣ могутъ поступать тогда по своей собственной волѣ. Людовикъ просилъ меня написать вамъ, что и онъ согласенъ на это съ большимъ удовольствіемъ. Доставьте-же утѣшеніе и отцу и матери“ ²⁾. Такимъ образомъ родители смѣло принимали на себя рѣшеніе относительно будущности своихъ дѣтей, которымъ было тогда лишь 14 и 11 лѣтъ отъ роду, и ни одинъ изъ ихъ знакомыхъ церковныхъ сановниковъ не считалъ это преждевременнымъ. Напротивъ, делегатъ отвѣчалъ Аняѣ, что онъ считаетъ ея мысль превосходною, а епископъ Ананьи

¹⁾ Именемъ Винченца, которымъ называешься ты, Павони, называюсь также и я, маленький ребенокъ Печчи; о, если бы и тѣмъ великимъ добродѣтелямъ, какими ты, Павони, обладаешь, и я, Печчи, также могъ послѣдовать!

²⁾ Narfond. p. 19—20.

при своемъ посѣщеніи Витербо изъявилъ съ своей стороны полную готовность тотчасъ-же совершить надъ дѣтми посвященіе. Все это было рѣшено даже безъ вѣдома тѣхъ, которыхъ дѣло всего ближе касалось, и только 23-го апрѣля, когда всякіе переговоры уже окончились, делегатъ счелъ нужнымъ сообщить и дѣтямъ о предстоящей имъ участи, пригласивъ ихъ для этого къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ ихъ воспитателями. Совершенно неожиданно, именно здѣсь дружно задуманный планъ встрѣтилъ себѣ рѣшительное сопротивленіе. „Дѣти“, какъ писалъ делегатъ, „смѣло отвѣчали, что въ настоящее время у нихъ нѣтъ на это желанія“. Такимъ образомъ посвященіе не состоялось; но такъ какъ делегатъ, при своихъ уговорахъ, ссылаясь на желаніе родителей, то Винченцо поспѣшилъ написать письмо матери, чтобы объяснить свое поведеніе и, по возможности, смягчить причиненное ей огорченіе. Онъ писалъ, что предложеніе застало ихъ совсѣмъ врасплохъ, а потому они и не въ состояніи были тотчасъ же дать свой утвердительный отвѣтъ. Теперь они обращаются съ молитвою ко Господу и Пресвятой Дѣвѣ, чтобы Они просвѣтили ихъ уразумѣть и исполнить волю Божию, прося и мать содѣйствовать имъ своими молитвами. Что касается м-ра Лоли, то, повидимому, онъ на все это дѣло смотрѣлъ исключительно съ практической точки зрѣнія. Отказъ дѣтей онъ объяснялъ своеобразнымъ дѣтскимъ самолюбіемъ и страхомъ предъ мнѣніемъ товарищей. По его мнѣнію, имъ просто казалось стѣснительнымъ, что имъ придется выдѣляться изъ среды сверстниковъ, носить особый воротникъ и шапочку (*collare* и *capello*) и слушать, какъ товарищи станутъ называть ихъ: „господинъ аббатъ“. Делегатъ вполне былъ увѣренъ, что дѣти съ теченіемъ времени привыкнутъ къ мысли о тонзурѣ и дѣло устроится благополучно. Матери онъ совѣтовалъ, чтобы она въ своихъ письмахъ внушала дѣтямъ, какъ необходимо семьѣ Печчи имѣть въ своемъ составѣ лицъ духовныхъ, чтобы пользоваться тѣми бенефиціями и пребендами, которыя достались ей отъ предковъ. Всѣ эти разсужденія служатъ типичнымъ выраженіемъ тѣхъ воззрѣній, которыя господствовали въ папскомъ государствѣ. Задумывая совершить посвященіе надъ дѣтми, ни ихъ родители ни ихъ духовные покровители, повидимому, совсѣмъ не останавли-

вались на мысли о существѣ и задачахъ церковнаго служенія, о соединенныхъ съ нимъ трудностяхъ и лишенияхъ и о томъ, соотвѣтствуютъ-ли способности и наклонности дѣтей требованіямъ этого служенія. Родители мечтали прежде всего о „духовной каррьерѣ“ для своихъ дѣтей, а делегаты, очевидно вполнѣ сочувствуя ихъ мечтамъ, говорилъ только о бенефиціяхъ и пребендахъ. Такая точка зрѣнія на церковное служеніе была тогда обычной и вполнѣ понятной, потому что только это служеніе и представляло собою единственный путь общественной дѣятельности съ перспективою блестящихъ успѣховъ. Въ самомъ корнѣ устройства тогдашняго папскаго государства лежало смѣшеніе властей духовной и свѣтской, которое возведено было въ принципъ и въ силу котораго всѣ отрасли государственнаго управленія находились въ рукахъ духовенства. Организованная такимъ образомъ правительственная система проповѣдовала, что какъ глава государства—папа, будучи въ одно и то-же время и первосвященникомъ и государемъ, совмѣщаетъ въ себѣ власти духовную и свѣтскую, такъ этотъ двойственный характеръ главы необходимо будто-бы долженъ отражаться и на всѣхъ подчиненныхъ ему органахъ государственнаго управленія. Отсюда въ церковной области всѣ высшія правительственныя должности предоставлялись только кардиналамъ и прелатамъ. Во главѣ ихъ стоялъ обыкновенно самый вліятельнѣйшій и могущественнѣйшій изъ кардиналовъ съ титуломъ государственнаго секретаря, вѣдѣнію котораго подлежали главнымъ образомъ дѣла иностранной политики, но который и вообще былъ первымъ министромъ папы. Финансовая часть находилась въ рукахъ кардинала—казначея, торговлю и промышленностію завѣдывалъ кардиналъ-камерлингъ. Кардиналъ-же стоялъ во главѣ управленія такъ называемыхъ внутреннихъ дѣлъ. Прелатъ или кардиналъ, съ титуломъ аудитора священной апостольской камеры, исправлялъ обязанности министра юстиціи. Во главѣ полиціи стоялъ прелатъ-губернаторъ города Рима. Народнымъ образованіемъ завѣдывала такъ называемая священная конгрегація наукъ, въ которой засѣдали двѣнадцать кардиналовъ. Архіепископы и епископы распорядились въ университетахъ и гимназіяхъ въ качествѣ архиканцлеровъ и канцлеровъ. Книгопечатаніе подчинено было вѣдѣнію и цензурѣ монаха, но-

сившаго титулъ начальника священныхъ апостольскихъ палатъ. Даже во главѣ военнаго дѣла стоялъ прелатъ съ титуломъ президента оружія. Мѣстное управление также находилось въ рукахъ лицъ духовныхъ. Главныя провинціи, на которыя раздѣлялась церковная область, управлялись, въ качествѣ губернаторовъ, кардиналами подъ именемъ легатовъ и префектовъ, а правителями малыхъ провинцій были прелаты, называвшіеся делегатами. Такимъ образомъ всѣ отрасли государственнаго управленія находились исключительно во власти лицъ духовныхъ, а людямъ свѣтскимъ открытъ былъ доступъ только къ низшимъ и подчиненнымъ должностямъ. Свѣтскій человѣкъ въ папскомъ государствѣ, какими бы глубокими познаніями, выдающимися способностями и даже талантами онъ ни отличался, долженъ былъ знать, что ни въ какомъ вѣдомствѣ нѣтъ ему широкаго и далекаго пути. При такомъ строѣ жизни вполне понятно, почему любящіе родители мечтали о томъ, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей клириками и почему эти мечты никому не представлялись странными. Предназначить кого-либо на служеніе церкви въ папскомъ государствѣ значило то-же, что открытъ ему единственный широкій путь, слѣдуя по которому онъ могъ достигнуть высокаго общественнаго положенія, составить себѣ не только хорошую, но, при способностяхъ и умѣнїи, даже блестящую карьеру. Іозефъ и Винченцо Печчи, застигнутые предложеніемъ относительно тонзуры врасплохъ и, очевидно, еще не вполне усвоившіе себѣ тѣ воззрѣнія, которыхъ держались ихъ родители и воспитатели, отвѣчали отказомъ; но монсеньеръ Лолли не видѣлъ въ этомъ сопротивленіи дѣтей ничего серьезнаго и, давая совѣты ихъ матери, не безъ основанія увѣрялъ ее, что въ скоромъ времени дѣло все-таки устроится благополучно. Эта увѣренность не оказалась тщетною и дѣйствительно очень скоро дѣло устроилось, хотя Аннѣ Печчи уже не суждено было сколько нибудь насладиться его плодами.

Съ осени 1823 года она почувствовала первые приступы той злокачественной лихорадки, которая издавна составляетъ бичъ Италїи и ежегодно уноситъ большое количество жертвъ. Встревоженная семья поспѣшила переѣхать на зиму въ Римъ, чтобы больная съ удобствомъ могла тамъ постоянно пользоваться помощью столичныхъ врачей; но всѣ ихъ ста-

ранія не имѣли успѣха. Къ дѣту слѣдующаго года положеніе больной приняло угрожающій характеръ, такъ что Іозефа и Винченцо поспѣшно вызвали изъ Витербо въ Римъ, чтобы дѣти провели подлѣ матери послѣдніе дни ея жизни. Вотъ въ это-то время, не за долго до смерти, Анна имѣла утѣшеніе видѣть, наконецъ, исполненіе того своего желанія, которое три года тому назадъ ей осуществить не удалось. Пятаго іюля она писала мужу, тогда отсутствовавшему на нѣкоторое время изъ Рима, что, по ея настоянію, Іоакимъ облачился наконецъ въ сутану и мантию аббата и восхитительно носить свою трехугольную шапочку. „Сперва онъ нѣсколько колебался; но теперь кажется очень доволенъ“... Что касается Іозефа, то изъ того-же письма мы узнаемъ, что онъ рѣшилъ въ предстоящемъ октябрѣ вступить въ орденъ іезуитовъ. Это письмо Анны было послѣднимъ. Ровно черезъ мѣсяць, 5-го августа, она скончалась и погребена въ Римѣ, въ принадлежащей францисканцамъ церкви (delle Stimmate) близъ corso Vittorio Emanuele. По правиламъ третьяго ордена ее схоронили въ установленной полумонашеской одеждѣ; большое число находившихся въ Римѣ терціаріевъ принимали участіе въ обрядѣ погребенія; а мужъ и дѣти почтили память умершей надгробнымъ памятникомъ съ латинской эпитафіей, гдѣ съ любовію восхваляли ея благотворительность и высокія семейныя добродѣтели.

Послѣ похоронъ матери Винченцо уже не возвратился въ Витербо, такъ какъ было рѣшено продолжать ему дальнѣйшее образованіе въ Римѣ, хотя подъ руководствомъ тѣхъ-же отцовъ—іезуитовъ. Коллегіей въ провинціальномъ городѣ Витербо, при всемъ ея успѣхѣ, возстановленный іезуитскій орденъ не могъ, конечно, удовольствоваться. Съ его стороны вполне естественнымъ было желаніе возстановить по возможности во всей силѣ свое прежнее воспитательное вліяніе и въ папской столицѣ, гдѣ еще такъ живы были воспоминанія объ его знаменитомъ Collegium Romanum. Новый тогда папа Левъ XII, будучи кардиналомъ, не былъ расположенъ къ іезуитамъ, а потому на его возвышеніе они смотрѣли съ нѣкоторымъ опасеніемъ, не ожидая для себя отъ него ничего хорошаго. Однако возрѣнія кардинала далеко не всегда остаются неизмѣнными при его вступленіи на папскій престолъ, что произошло въ настоящемъ случаѣ

и съ Львомъ XII-мъ. Вопреки своему прежнему нерасположенію къ іезуитамъ, Левъ XII, сдѣлавшись папою, очень скоро убѣдился въ томъ, что этотъ орденъ составляетъ одну изъ могущественнѣйшихъ опоръ папской власти, а потому имѣетъ всѣ права на ея особенное покровительство. Въ первый-же годъ своего папствованія Левъ XII позаботился возстановить на ея прежнемъ мѣстѣ славную римскую коллегію, воспитавшую такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Корнелій а Ляпиде, Белларминъ, Паллавичини, Кирхеръ, Перроне, Секки и др., и предоставилъ ее, по прежнему, въ распоряженіе іезуитовъ. Въ октябрѣ 1824-го года послѣдовало торжественное открытіе возстановленной коллегіи и тысяча четырехста вступившихъ въ нее учениковъ своимъ количествомъ ясно свидѣтельствовали о томъ, какую крѣпкую и широкую популярность уже успѣла доселѣ приобрести себѣ эта іезуитская школа. Въ составъ перваго курса возстановленной римской коллегіи вступилъ и Винченцо Печчи.

Семилѣтній курсъ наукъ этой школы нѣсколько напоминаетъ по своему строю наши прежнія духовныя семинаріи, которыя раздѣлялись на три класса, называвшіеся: реторика, философія и богословіе. Первый учебный годъ здѣсь Винченцо долженъ былъ посвятить занятіямъ словесностью, при чемъ по отдѣлу прозы его профессоромъ былъ патеръ Миними, а по отдѣлу поэзіи — п. Буонвичини. Затѣмъ слѣдовалъ трехлѣтній курсъ философіи въ соединеніи съ математикой и естествознаніемъ. Здѣсь изучались: логика, метафизика, математика, физика, химія и астрономія, подъ главнымъ руководствомъ профессоровъ ПIANCIANI и Карафа. „Мой умъ“, писалъ Винченцо въ 1828 г., „обращенъ теперь къ труднымъ математическимъ вычисленіямъ и къ изученію тѣхъ законовъ, которые установила Божественная Премудрость для предметовъ физической природы. Въ химіи я наблюдаю естественныя явленія, въ астрономіи измѣряю разстоянія планетъ и солнечнаго диска, или изумляюсь громадности ихъ пути и величію ихъ правильнаго обращенія. Такова моя жизнь въ тѣсномъ кругу избранныхъ друзей“... Наконецъ, три послѣдніе года учебнаго курса были заняты изученіемъ наукъ богословскихъ: догматики, священнаго писанія, церковной исторіи и др. Руководителемъ Винченцо по догматическому богословію былъ знаменитый профессоръ

Перроне, а курсъ священнаго писанія преподавалъ ему проф. Патрици. Къ научнымъ занятіямъ юный Печчи всегда относился съ весьма большимъ усердіемъ. Въ письмахъ къ роднымъ онъ самъ не разъ говоритъ о своей усиленной работѣ, о тѣхъ трудностяхъ, какія ему приходится преодолевать, и о томъ, что онъ занятъ съ утра до ночи, такъ что совсѣмъ не остается времени не только для писемъ, но даже и для отдыха. Подтвержденіемъ его собственныхъ заявленій служитъ свидѣтельство одного изъ его школьныхъ товарищей, который говоритъ, что „во время курса ученія въ Римѣ Винченцо не любилъ никогда ни собраній, ни бесѣдъ, ни развлеченій, ни игръ. Маленькій рабочій столъ замѣнялъ для него весь міръ, а высшимъ удовольствіемъ было углубляться въ тѣ науки, которыя ему преподавались“. Отецъ и дядя старались поощрять усерднаго мальчика подарками и за первую награду въ коллегіи дядя Антоніо обѣщаль подарить ему часы. Винченцо добился этой награды и въ письмѣ къ брату спѣшилъ поскорѣе сообщить о ней дядѣ, чтобы получить съ него, обѣщанное. Отецъ обыкновенно награждалъ сына деньгами и замѣчательная скромность Винченцо служила твердымъ ручательствомъ за то, что эти деньги не пойдутъ ему во вредъ. Почти всѣ свои скудные излишки онъ употреблялъ на покупку книгъ и въ письмѣ отъ 18 апр. 1827 г. напр. съ особенною благодарностію и радостію сообщалъ отцу, что за этотъ годъ его маленькая библіотека увеличилась по крайней мѣрѣ на двадцать томовъ. Единственнымъ удовольствіемъ, которому предавался Винченцо съ нѣкоторымъ доходившимъ даже до страсти, увлеченіемъ, была охота. Еще задолго до того вожделѣннаго дня, когда можно было отправиться въ Карпинето, у него уже начиналась переписка съ братомъ относительно того, что нужно починить и отполировать вновь курокъ у ружья, или сдѣлать запасъ свинцу и пороху въ Римѣ, гдѣ все это можно купить и лучше и дешевле. Въ девяностыхъ годахъ еще живъ былъ въ Карпинето старшій патеръ Сальваннѣ, который нѣкогда былъ постояннымъ спутникомъ Винченцо въ его охотническихъ экскурсіяхъ. Добродушный старикъ охотно рассказывалъ о разныхъ приключеніяхъ, какія испытывали они, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ папой, лѣтъ шестьдесятъ или семьдесятъ тому назадъ, когда разставляли сѣти

для жаворонковъ, пѣи, съ ружьями въ рукахъ, лазили, выслѣживая дичь, по горамъ и ущельямъ. Вспоминая о томъ, какъ въ юности любилъ Левъ XIII наслаждаться красотами природы, старый патеръ высказывалъ искреннее сожалѣнiе, что его прежнему товарищу приходится теперь безвыходно сидѣть въ своемъ ватиканѣ.

Самолюбивое стремленiе Винченцо непременно превзойти своихъ товарищей, подмѣченное за нимъ еще въ Витербо, побуждало его и теперь напрягать всѣ силы на занятiяхъ, что, при хорошихъ природныхъ способностяхъ и необыкновенномъ трудолюби, дѣйствительно и поставило его на выдающееся мѣсто среди питомцевъ коллегiи. Въ первый-же учебный годъ Винченцо такъ отличился своими познанiями по латинскому языку, что ему назначено было произнести въ большомъ залѣ коллегiи, въ присутствii всѣхъ профессоровъ и воспитанниковъ, латинскую рѣчь, темою которой было сравненiе Рима языческаго съ Римомъ христіанскимъ. Отличившись въ латинской прозѣ, онъ въ концѣ того-же года имѣлъ блестящiй успѣхъ и въ поэзи. На установленномъ конкурсѣ воспитанники должны были, подѣ присмотромъ профессора, въ продолженiи шести часовъ написать извѣстныхъ размѣровъ стихотворенiе на заданную тему, при чемъ никакихъ книгъ и пособiй имѣть при себѣ не дозволялось. На этотъ разъ дана была тема: *тиръ Валтасари*. Винченцо Печчи написалъ гекзаметромъ сто двадцать стиховъ, за что по единогласному приговору профессоровъ получилъ первую награду. Надо полагать, что именно эта репутацiя лучшаго латиниста коллегiи, установившаяся за Печчи, была причиною того, что на его долю выпала высокая честь выступить ораторомъ даже предѣ папою. Въ 1825 году, по предписанiю Льва XII-го, римско-католическiй міръ въ силу издавна установившагося обычая праздновалъ торжество юбилея. Въ Римъ стекались отовсюду многочисленныя толпы паломниковъ, совершались здѣсь торжественныя богослуженiя, а по улицамъ города съ пѣнiемъ псалмовъ и гимновъ двигались къ патрiаршимъ базиликамъ религіозныя процессiи ¹⁾, иногда предводительствуемыя самимъ папою.

¹⁾ Историческія свѣдѣнiя о римскихъ юбилеяхъ вообще и подробное описанiе послѣдняго юбилея 1900 года желающiй можетъ найти въ на-

Господствовавшее въ папской столицѣ религиозное возбужденіе охватило, конечно, и молодежь учебныхъ заведеній. Наряду со всѣми другими паломниками и воспитанники римской коллегіи, вмѣстѣ съ своими профессорами, во исполненіе папскихъ юбилейныхъ предписаній, совершали поклоненіе святынямъ римскихъ базиликъ. Въ послѣдній день ихъ паломничества, завершившагося въ храмъ св. Петра, папа выразилъ желаніе дать имъ свое благословеніе, для чего вся эта толпа молодежи, до полуторы тысячи человекъ, собрана была на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ ватикана, извѣстномъ подъ названіемъ двора Бельведера. Здѣсь съ высоты галлерен папа благословилъ собравшихся и затѣмъ тутъ-же принялъ особую депутацію изъ нѣсколькихъ избранныхъ воспитанниковъ. Во главѣ этой депутаціи былъ пятнадцатилѣтній Винченцо Печчи, который отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, на изящномъ латинскомъ языкѣ, благодарилъ святого отца и выражалъ ему одушевляющія ихъ чувства глубокой преданности. Левъ XII остался весьма доволенъ этимъ привѣтствіемъ, а Печчи и его сотоварищи по депутаціи получили на память каждый по медали съ папскимъ изображеніемъ.—Въ годы философскаго курса Винченцо Печчи также постоянно выдѣлялся своими успѣхами. Изъ списка наградъ за это время мы узнаемъ, что ему присуждены были преміи за выдающіяся способности и познанія по логикѣ, метафизикѣ, математикѣ, физикѣ и химіи а по истеченіи трехъ лѣтъ этого курса ему предстоялъ блестящій случай показать свои успѣхи при самой торжественной обстановкѣ. Публично, въ присутствіи высшихъ церковныхъ сановниковъ, кардиналовъ и даже, можетъ быть, самого папы, предполагень былъ диспутъ, на которомъ Печчи долженъ былъ защищать противъ всякаго желающаго возражать ему до двухсотъ тезисовъ изъ разныхъ областей пройденнаго курса. Придавая, конечно, этому диспуту весьма большое для себя значеніе, Печчи не жалѣлъ труда и силъ, чтобы приготовиться къ нему какъ можно лучше. Онъ рѣшился даже пожертвовать частью каникулярнаго времени, отказавшись отъ всѣхъ своихъ обычныхъ удоволь-

ствій пребыванія въ Карпинето, такъ какъ поѣздка туда, по его мнѣнiю, послужила-бы для него разсѣянiемъ и помѣшала-бы его занятiямъ. Кромѣ того, онъ предпочиталъ оставаться въ Римѣ еще и потому, что здѣсь у него всегда была возможность при какихъ-либо затрудненiяхъ въ занятiяхъ найти совѣтъ и помощь, тогда какъ въ Карпинето онъ въ этомъ отношенiи былъ-бы одинокимъ. Однако, чрезмерная ревность въ настоящемъ случаѣ послужила ему во вредъ. Не крѣпкiй отъ природы организмъ юноши не выдержалъ крайняго напряженiя силъ и Винченцо слегъ въ постель, вслѣдствiе чего и предположенный диспутъ состояться не могъ. Для талантливаго и самолюбиваго юноши такая неудача была, конечно, тяжкимъ огорченiемъ и лишь нѣкоторымъ утѣшенiемъ могло служить ему особое свидѣтельство, выданное по этому поводу начальствомъ коллегiи. По заявленiю этого документа ¹⁾, подписаннаго префектомъ Францискомъ Манера, превосходный юноша Юакимъ Винченцо Печчи въ продолженiи трехлѣтняго философскаго курса оказаль такiе успѣхи, что приговоромъ докторовъ коллегiи признанъ достойнымъ публично диспутировать на тезисы, избранныя изъ всего курса философiи. Такъ какъ болѣзнь помѣшала этому, то въ настоящемъ свидѣтельствѣ начальство коллегiи и сочло нужнымъ почтить похвалою заслуги юноши, подающаго самыя лучшiя надежды. — Эти надежды своихъ наставниковъ Печчи неизмѣнно продолжалъ оправдывать и во все время своего послѣдняго, богословскаго курса. За новый кругъ наукъ онъ принялся съ такимъ увлеченiемъ, что готовъ былъ на первыхъ порахъ ради богословскихъ занятiй совсѣмъ бросить свою любимую поэзiю, такъ какъ, по его собственному заявленiю, для поэтическихъ упражненiй у него совсѣмъ не было теперь времени да, кромѣ того, пропала и всякая охота къ подобнымъ „пустякамъ“. Такiя рѣчи свидѣтельствовали, конечно, только о силѣ перваго увлеченiя юноши богословскими занятiями: съ теченiемъ-же времени онъ прекрасно сумѣлъ совмѣстить и поэзiю и богословіе. Подъ руководствомъ знаменитаго Перроне, Печчи и на богословскомъ курсѣ тотчасъ-же за-

¹⁾ Полный латинскiй текстъ этого документа, хранящагося въ фамильномъ архивѣ Печчи, приведенъ у O'Reilly, p. 58, note.

нялъ выдающееся мѣсто, при чемъ, какъ достойный питомецъ іезуитовъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ преклонялся предъ авторитетомъ „ангельскаго доктора“ (doctor angelicus)—Томы Аквинскаго. Еще въ ноябрѣ 1828 года, только начиная свои богословскія занятія, онъ просилъ брата, какъ можно скорѣе выслать ему „Summa theologiae“ Томы Аквинскаго, называя его при этомъ „архимандритомъ богослововъ“. Въ августѣ 1830 г., на публичномъ актѣ коллегіи, въ присутствіи многихъ церковныхъ сановниковъ, всего профессорскаго персонала и большого количества стороннихъ слушателей, юный богословъ долженъ былъ выступить въ качествѣ диспутанта, защищая тезисы римско-католическаго ученія относительно таинства елеосвященія и индульгенцій. Богословскій турниръ продолжался болѣе двухъ часовъ и Печчи вышелъ изъ него съ честью; онъ самъ писалъ брату, что наставники остались довольны и говорили ему, что дѣло шло даже лучше, чѣмъ можно было ожидать. Успѣхъ былъ настолько значителенъ, что даже признали нужнымъ сохранить память о немъ въ записяхъ коллегіи. гдѣ, между прочимъ, говорится, что „такъ какъ трудолюбивый юноша обнаружилъ не малую силу ума и прилежаніе, то начальству коллегіи угодно было, ради чести, занести въ записи его имя“ ¹⁾. На этомъ ученомъ торжествѣ своемъ Печчи сумѣлъ показать не только силу ума и богословскія познанія; но и похвальную скромность и чувство признательности къ своему главному наставнику—профессору Перроне. По окончаніи диспута онъ произнесъ предъ ученымъ собраніемъ слѣдующее, очевидно заранѣе составленное имъ, латинское стихотвореніе:

Si bene quid dixi, cui gratia? Docte magister,

Plena est praeceptis gratia habenda tuis.

Si male quid dixi, non jam culpanda voluntas;

Arguite ad tardum verius ingenium ²⁾.

По мысли и подъ руководствомъ Перроне и Манера, юные богословы римской коллегіи составили изъ себя особый

¹⁾ Narfond p. 43.

²⁾ ib. 43—44. Если я сказалъ что-либо хорошо, то кому этимъ обязанъ? Всецѣло твоимъ, ученый наставникъ, наставленіямъ долженъ я быть благодаренъ. Если-же я сказалъ, что-либо дурно, то не волю мою слѣдуетъ винить въ этомъ; обвиняйте-же вѣрнѣе мой косный умъ.

кружокъ для упражненія въ ученыхъ состязаніяхъ по богословскимъ вопросамъ. Диспуты устроились на эстрадѣ большой залы, при чемъ одинъ изъ участниковъ долженъ былъ изображать римско-католическаго богослова, а четверо остальныхъ напали на него съ своими возраженіями въ качествѣ лютеранина, янсениста, государственнаго человѣка и рационалиста. Винченцо Печчи обыкновенно поручалась защита римско-католическаго ученія. Послѣ цѣлаго ряда всѣхъ подобныхъ успѣховъ, долговременныя и усиленныя занятія Печчи увѣнчались, наконецъ, въ 1832 г., присужденіемъ ему ученой степени доктора богословія.

При всей напряженности серьезныхъ богословскихъ занятій, Печчи находилъ всетаки возможнымъ удѣлить иногда нѣсколько своего трудового времени „пустякамъ“, какъ называлъ онъ нѣкогда поэтическія упражненія. Однимъ изъ довольно крупныхъ памятниковъ неугасавшей въ немъ любви къ поэзій можетъ служить напр: его элегія „in invale-tudine sua“ ¹⁾, состоящая изъ двадцати стиховъ. Поводомъ къ этому стихотворенію и предметомъ для него послужила тяжелая и долговременная болѣзнь, которую пришлось перенести Печчи въ 1831 году, и которая въ особенности огорчала его потому, что нарушала свободный ходъ научныхъ занятій, составлявшихъ въ то время, по его собственному признанію, его „единственную заботу“. „Едва достигъ ты, Іоакимъ, двадцатилѣтняго возраста“, обращается Печчи въ этомъ стихотвореніи къ самому себѣ, „а уже какимъ множествомъ болѣзней ты, несчастный, совсѣмъ подавленъ!...“ Ночью—безсонница; силы истощены; слабый желудокъ не справляется съ пищей; глаза померкли; голова терзается болями; лихорадка мучить то холодомъ, то жаромъ; лицо изможденное; грудь страдаетъ отъ одышки... Къ чему обольщать себя? Зачѣмъ мечтать о долголѣтіи? Судьба гонитъ тебя на страшный путь смерти.. На все это Печчи самъ-же отвѣчаетъ, что не позволить себѣ поддаться страху и ужасу. но смѣлый и радостный будетъ ожидать приближающейся смерти. Сладости жизни его не прельщаютъ; онъ жаждетъ вѣчности и не прилѣпляется къ благамъ тлѣннымъ. Счастливы путникъ, когда онъ достигаетъ родной страны; счаст-

¹⁾ Интересное стихотвореніе полностью приводится у Des-Houx р. 63—69.

ливъ мореходецъ, когда имѣеть возможность привести корабль свой къ пристани.—Та-же любовь къ поэзіи была причиною избранія Печчи, въ 1832 г., членомъ литературнаго общества, называвшагося академіей аркадскихъ пастушковъ (*Accademia degli Arcadi*). Цѣль этого общества, основаннаго въ 1690 г., состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать возстановленію въ литературѣ изящнаго вкуса и естественности, при чемъ члены его назывались классическими именами, заимствованными изъ *Θεокрита* и *Виргилія*. Печчи, вступивъ въ это общество, получилъ имя *Neander Egraeus*.

Долголѣтнее пребываніе въ Римѣ, вблизи папскаго двора, въ атмосферѣ разнообразныхъ столичныхъ извѣстій и слуховъ, въ непосредственномъ созерцаніи многихъ, происходившихъ тамъ, выдающихся событій, не мало содѣйствовало дальнѣйшему и усиленному развитію у Іоакима Печчи того живаго интереса къ политикѣ, начало которому положено было въ немъ еще въ ранніе дѣтскіе годы, подъ вліяніемъ оживленныхъ политическихъ бесѣдъ за семейнымъ столомъ въ Карпинето. Сдѣлавшись питомцемъ римской коллегіи, Іоакимъ своими письмами къ отцу долженъ былъ помогать дядѣ Антоніо въ постоянной доставкѣ карпинетскимъ обитателямъ возможно большаго количества свѣжихъ политическихъ и столичныхъ новостей. Эта обязанность, конечно, нисколько не тяготила юношу, такъ такъ и самъ онъ относился къ политикѣ съ живѣйшимъ интересомъ и однимъ изъ высшихъ для него удовольствій было отправиться въ кофейную на Курсо и провести тамъ за столикомъ часъ или два, просматривая номера газетъ и прислушиваясь къ обсужденію текущихъ событій. Цѣлая серія весьма любопытныхъ писемъ Іоакима къ отцу или брату представляетъ собою нѣчто въ родѣ систематическаго журнала современныхъ происшествій, гдѣ непрерывною полосой тянутся другъ за другомъ и рассказы о крупныхъ политическихъ событіяхъ, и подробныя описанія какихъ-либо церемоній, и придворныя слухи, и картинки уличныхъ сценъ, и наблюденія надъ народнымъ настроеніемъ, и вскользь брошенныя замѣчанія для характеристики тѣхъ или другихъ выдающихся дѣятелей. То онъ рассказываетъ напр.: о послѣднихъ минутахъ и кончинѣ папы Льва XII, подробно описывая великолѣпный катафалкъ, воздвигнутый въ храмѣ Св. Петра по

рисункамъ знаменитаго тогда архитектора Валадье, и составлявшій рѣзкое противорѣчіе съ тою скромною эпитафіей, которую написаль для себя самъ почившій: „здѣсь лежитъ меньшій изъ первосвященниковъ“. По всегдашнему обычаю, въ Римѣ и теперь ходило множество летучихъ листовъ, переполненныхъ сатирою и всякаго рода пасквилями на умершаго папу и, сообщая объ этомъ, Іоакимъ выражаетъ лишь сожалѣніе, что такіе листки достать себѣ не легко. То онъ сообщаетъ о совершившемся выборѣ новаго папы Пія VIII и о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ въ Римѣ этотъ выборъ. „Какъ всегда бываетъ“, пишетъ онъ, „новый папа однимъ нравится, а другимъ нѣтъ. Политики сокрушаются, вѣчно сомнѣваясь въ благоустройствѣ папскаго государства; а ученые превозносятъ новаго папу за его ученость и великія познанія. Народъ-же, всегда безразсудный и непостоянный, радуется и обольщаетъ себя надеждою на счастье, котораго, можетъ быть, никогда имѣть не будетъ. Въ общемъ, однако, папа нравится. У него кривая шея, а когда онъ ходитъ, то какъ будто приплясываетъ“. То переносится Іоакимъ своими разсказами въ далекую Францію, описывая подробности разразившейся тогда тамъ іюльской революціи. Онъ перечисляетъ тѣ мѣры короля Карла X, которыя послужили поводомъ для народнаго волненія; рисуетъ картину парижскихъ беспорядковъ, сопровождавшихся грабежемъ и кровопролитіемъ, и заключаетъ замѣчаніемъ, что папское правительство запретило въ своей области распространеніе французскихъ журналовъ. „Говорятъ“, прибавляетъ онъ, „что нашъ добрый Пій VIII заплакалъ и теперь еще постоянно плачетъ о бѣдствіяхъ Франціи“. Когда, вскорѣ послѣ того, этотъ „добрый Пій VIII“ скончался, въ письмахъ Іоакима начинается подробный отчетъ о новомъ конклавѣ; о партіяхъ и интригахъ на немъ; о борьбѣ вліяніи иностранныхъ правительствъ, въ особенности Австріи и Франціи, и о состоявшемся наконецъ избраніи Григорія XVI. О новомъ папѣ Іоакимъ отзывается восторженно, сравнивая его съ „сіяющимъ солнцемъ“, предъ которымъ должны померкнуть и исчезнуть всѣ тѣ, кто выступали ему соперниками. Однако, при всѣхъ восхваленіяхъ Григорія, Іоакиму пришлось всетаки въ послѣдующихъ письмахъ сообщать и о народномъ возстаніи, разразившемся противъ папы въ

Болоньѣ, Феррарѣ, Равеннѣ, Пармѣ, Моденѣ и другихъ областяхъ; и о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи, благодаря которому только папа и могъ удержать своихъ мятежныхъ подданныхъ въ повиновеніи; и о печальныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ занятіе Анконы войсками Франціи, и т. д. Письма Іоакима представляютъ такимъ образомъ довольно полную картину тѣхъ политическихъ событій, на которыхъ сосредоточивались въ то время интересы папскаго престола.

Живо и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ интересуясь политикой, юный докторъ богословія задумалъ и самъ избрать себѣ дипломатическую карьеру; а для возможно большаго успѣха въ осуществленіи этой мысли покровительствовавшій ему прелатъ, монсенъеръ Николаи, совѣтовалъ ему не ограничиваться римскою коллегіей, но посвятить еще нѣсколько лѣтъ на специальный курсъ такъ называемой академіи знатныхъ клириковъ (*Accademia dei nobili ecclesiastici*).—Это была высшая школа для приготовленія къ занятію правительственныхъ и дипломатическихъ должностей въ папскомъ государствѣ и притомъ школа привилегированная, куда принимались только тѣ клирики, которые могли доказать несомнѣнную знатность своего происхожденія. Вотъ почему и Іоакимъ, задумавъ поступить въ академію, копался въ разныхъ архивныхъ документахъ и печатныхъ изданіяхъ, стараясь доказать въ своемъ родословномъ древѣ происхожденіе карпинетскихъ Печчи отъ еще болѣе древней и аристократической фамиліи Печчи сіенскихъ. Ему, какъ онъ самъ писалъ въ письмѣ къ брату, это представлялось необходимымъ для того, чтобы обезпечить себѣ пріемъ въ академію ¹⁾. Трудъ его въ настоящемъ случаѣ оказался однако излишнимъ. Конгрегация, которая разсматривала права молодыхъ людей, желавшихъ поступить въ академію, признала фамилію карпинетскихъ Печчи достаточно знатною само по себѣ, независимо отъ ея возможнаго происхожденія изъ Сіены, а потому, 15-го ноября 1832 года, Іоакимъ безпрепятственно принятъ былъ въ число питомцевъ академіи, президентомъ которой состоялъ въ то время монсенъеръ Синибальди. Пребываніемъ въ новомъ мѣстѣ своего образо-

¹⁾ Des Houx, p. 8.

ванія Іоакимъ былъ „чрезвычайно“ доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Все здѣсь нравилось ему: и образъ жизни студентовъ и распредѣленіе занятныхъ часовъ. Съ раннихъ лѣтъ привыкшій къ строгой дисциплинѣ, онъ и теперь легко и охотно подчинился академическимъ порядкамъ. Ограниченное количество свободы, предоставлявшееся здѣсь студентамъ, для многихъ двадцатилѣтнихъ юношей, быть можетъ, показалось-бы стѣснительнымъ; но, по его собственному признанію, вполне соответствовало и его наклонностямъ и правильному ходу его занятій. Дороже всего для Печчи были его научныя занятія, а въ этомъ отношеніи академія могла дать ему не мало. Здѣсь были спеціальныя кафедры церковной дипломатіи, политической экономіи, библейской полемики и др., а курсъ гражданскаго и церковнаго права студенты слушали въ знаменитомъ тогда римскомъ университетѣ Sapienza, гдѣ были сосредоточены лучшія научныя силы страны. Необыкновенное прилежаніе и выдающіяся способности, которыми доселѣ отличался Печчи, конечно, и въ академіи скоро поставили его на первое мѣсто среди сотоварищей и обратили на него сочувственное вниманіе какъ академическаго начальства, такъ и нѣкоторыхъ высшихъ іерарховъ, близко стоявшихъ къ дѣламъ этого учрежденія. Въ январѣ 1833 года его представили папѣ Григорію XVI, который милостиво разспрашивалъ его объ его планахъ на будущее, а на второмъ учебномъ году Іоакиму назначено было держать публичный богословскій диспутъ при самой торжественной обстановкѣ, быть можетъ даже въ присутствіи самого папы. Къ такому великому событію Печчи сталъ готовиться съ удвоеннымъ стараніемъ, пожертвовавъ при этомъ всюю вакаціей 1833 года. Онъ не захотѣлъ ѣхать даже въ Карпинето, находя, что тамъ слишкомъ много праздниковъ и развлеченій; а ему нужно полное и грустное уединеніе, которое онъ и предполагалъ найти у своего брата въ Маэнцѣ. Къ сожалѣнію, это уединеніе оказалось уже слишкомъ грустнымъ: сильная горловая болѣзнь помѣшала занятіямъ Печчи, а когда, по возвращеніи въ Римъ, онъ думалъ усиленнымъ напряженіемъ вознаграждать потерянное время, его слабое здоровье не выдержало и онъ расхворался такъ серьезно, что, по требованію врача, долженъ былъ прекратить на время всякія занятія. Такимъ

образомъ предложенный диспутъ „*coram sanctissimo*“ не состоялся.—Вознагражденіе за эту досадную неудачу Печчи получилъ лишь въ 1835 году, когда ему удалось наконецъ блестящимъ образомъ показать свои способности и познанія если не предъ самимъ папою, то по крайней мѣрѣ предъ нѣсколькими выдающимися представителями высшей іерархіи. Шестого мая онъ диспутировалъ предъ многочисленнымъ собраніемъ, во главѣ котораго были кардиналы: Макки, Сала, Кастракане, Полидори и Маттеи; а въ сентябрѣ, подъ предсѣдательствомъ кардинала Сала, состоялся новый диспутъ, на которомъ Печчи получилъ премію въ шестьдесятъ золотыхъ, при чемъ предметомъ разсужденія былъ вопросъ о правѣ непосредственной аппеляціи къ римскому первосвященнику (*De appellationibus ad Romanum Pontificem etiam non interposito medio*), доставшіи́ся ему по жребію изъ ста одновременно предложенныхъ вопросовъ церковнаго права. Академическіе успѣхи Печчи приобрѣли ему нѣсколькихъ высокихъ покровителей, въ особенности кардинала Пакка, бывшаго протекторомъ академіи, и кардинала Сала, который нѣкогда прославился своимъ участіемъ въ переговорахъ папскаго престола съ Наполеономъ относительно конкордата, пользовался личнымъ довѣріемъ папы Григорія и потому большимъ вліяніемъ въ куріи. Для молодого человѣка, готовившагося выступить на общественную дѣятельность, расположеніе этихъ двухъ сильныхъ покровителей могло, конечно, быть весьма полезнымъ, что вскорѣ и обнаружилось. Въ началѣ 1837-го года Печчи простился съ академіей, завершивъ свое образованіе полученіемъ докторской степени, кромѣ богословія, еще по гражданскому и церковному праву.

Шестого февраля 1837 г. папа возвелъ Печчи въ достоинство прелата. Этимъ онъ обязанъ былъ, по его собственному признанію, преимущественно покровительству кардинала Пакка, а также и другихъ кардиналовъ, которыхъ онъ расположилъ въ свою пользу своимъ поведеніемъ и своими занятіями. Званіе прелата давало молодому человѣку право носить фіолетовую мантию и именоваться „монсенъеромъ“, но, что всего важнѣе, открывало ему широкій путь къ восхожденію до самыхъ высшихъ ступеней церковной и правительственной іерархіи. Многочисленная коллегія прелатовъ

представляла собою тотъ контингентъ, изъ котораго назначались должностныя лица по всѣмъ отраслямъ папскаго церковнаго и государственнаго управленія. Прелаты занимали всѣ болѣе или менѣе важныя должности при римскихъ конгрегаціяхъ, т. е. тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ сосредоточивалось центральное управленіе церкви и государства. Прелаты посылались въ качествѣ делегатовъ и префектовъ для управленія городами и провинціями. Прелаты, наконецъ, выступали и дипломатами, какъ въ Римѣ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, такъ и за границей при иностранныхъ дворахъ, въ качествѣ нунціевъ. На всѣхъ этихъ путяхъ прелатамъ открывалась перспектива епископскаго сана и затѣмъ кардинальской шляпы. Понятно, съ какимъ чувствомъ, съ какими планами и надеждами, двадцатисемилѣтній Печчи вступалъ на этотъ путь, спѣша сообщить старшему брату о своей великой радости. Лишь недавно постигшее его семейное горе нѣсколько омрачало эту радость. Не прошло еще года съ той поры, какъ осиротѣвшая семья Печчи схоронила въ Карпинето своего отца, а потому теперь, сообщая новому главѣ семьи о своей прелатурѣ, Іоакимъ съ горестью восклицаетъ: о, если-бы живъ былъ отецъ, какъ обрадовала бы его эта новость!“—Въ качествѣ прелата, Печчи, 16-го марта 1837 г., получилъ назначеніе на должность референдарія въ коллегіи *della Segnatura*, составлявшей нѣчто въ родѣ кассационнаго департамента по приговорамъ низшихъ судебныхъ инстанцій, а въ іюнѣ того-же года сдѣланъ былъ докладчикомъ (*ponente*) въ конгрегаціи *di Buon governo*, соотвѣтствовавшей министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ префектомъ былъ главный покровитель Печчи, кардиналъ Сала, поставившій такимъ образомъ покровительствуемаго имъ молодого прелата подъ свое непосредственное начальство. Занятія по этимъ должностямъ послужили для Печчи практическою подготовкой къ той самостоятельной дѣятельности, которая ему предстояла. И тѣмъ существеннѣе была такая подготовка, что 1837-й годъ былъ для Рима въ высшей степени тяжелымъ. Лѣтомъ этого года въ папской столицѣ появилась азіатская холера и начала свирѣпствовать съ такою силой, что въ половинѣ августа ежедневное количество жертвъ ея простиралось до пятисотъ человѣкъ. При первыхъ признакахъ приближающейся грозы у многихъ оби-

тателей Рима естественно являлось желаніе поскорѣе покинуть городъ и искать себѣ гдѣ-либо болѣе безопаснаго убѣжища. Не чуждъ былъ и Печчи на первыхъ порахъ мысли бѣжать изъ Рима и укрыться въ своемъ родномъ Карпинето; но съ одной стороны неувѣренность въ томъ, что бѣгство можетъ спасти отъ опасности, а съ другой, и болѣе всего, чувство долга заставило его побороть свой страхъ и остаться на мѣстѣ, хотя съ горестью восклицая: „какъ было бы лучше, если бы я не былъ назначенъ понентомъ и могъ бы еще въ іюнѣ вернуться къ [своей семьѣ!“¹⁾ Дѣло въ томъ, что кардиналъ Сала поставленъ былъ папою во главѣ всей организаціи, предназначенной для борьбы съ эпидеміей, и не смотря на свой преклонный возрастъ обнаруживалъ необычайную энергію, лично наблюдая за примѣненіемъ разныхъ санитарныхъ мѣропріятій и ежедневно посѣщая сотни временныхъ лазаретовъ, устроенныхъ во всѣхъ частяхъ города и, конечно, переполненныхъ заразными больными. Само собою разумѣется, что лица, служившія подъ ближайшимъ начальствомъ кардинала, въ особенности-же пользовавшіяся его преимущественнымъ расположеніемъ, считали себя обязанными болѣе, чѣмъ кто либо другой, помогать ему въ его усиленныхъ трудахъ. Остался въ Римѣ и Печчи, предавъ себя на волю Божию. Шестнадцатаго августа онъ писалъ брату-Джіованни: „если и мнѣ суждено также быть въ числѣ жертвъ, я преклоняюсь предъ опредѣленіями Всевышняго, Которому уже посвятилъ жизнь свою въ искупленіе моихъ грѣховъ; что-бы ни случилось, мое сердце спокойно“²⁾. Въ письмахъ за это время Печчи сообщаетъ не мало подробностей о положеніи дѣлъ въ Римѣ и о борьбѣ съ эпидеміей, въ особенности восторгаясь самоотверженною дѣятельностію іезуитовъ, которые всѣ свои обители и коллегіи превратили въ лазареты, дни и ночи проводили ухаживая за больными и безбоязненно проникали въ самыя заразныя трущобы города, разыскивая повсюду нуждающихся въ ихъ помощи. Съ особенною радостію указываетъ онъ на то, что среди іезуитовъ братъ его Іозефъ едва-ли не превосходитъ всѣхъ своимъ самоотверженіемъ. Только-что посвя-

1) Des Houx p. 82.

2) De T' Serclaes I, 49.

щенный въ санъ пресвитера, онъ все время проводить у постели больныхъ, утѣшая ихъ, исповѣдуя умирающихъ и напутствуя ихъ послѣдними молитвами; онъ такъ всецѣло преданъ своему дѣлу, что Іоакимъ едва находитъ минуту, чтобы повидаться съ нимъ и благоговѣнно поцѣловать его руку. О своемъ собственномъ самоотверженіи Іоакимъ, конечно, не пишетъ; но находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ того, на котораго возложено было главное руководство въ борьбѣ съ эпидеміей, онъ, безъ сомнѣнія, не рѣдко долженъ былъ рисковать своею жизнію, соприкасаясь съ заразой. Чтобы насколько возможно предохранить себя отъ опасности, онъ заставлялъ себя вести самую строгую и правильную жизнь и принималъ всѣ предупредительныя мѣры, чтобы такимъ образомъ не имѣть повода къ упреку самому себѣ за пренебреженіе возможными для человѣка средствами борьбы. При всемъ томъ, опасность была слишкомъ велика и однажды было время, когда Іоакимъ могъ уже подумать, что наступилъ его послѣдній часъ; острый холерный припадокъ уложилъ его въ постель, но быстро принятая весьма энергичная медицинскія мѣры не дали болѣзни принять опасные размѣры и Печчи остался цѣлъ. Постоянная мысль о смерти побудила его даже составить свое духовное завѣщаніе, собственноручно написанное имъ 14 сентября 1837 г. Въ немъ онъ вручаетъ свою душу Богу и Пресвятой Богородицѣ, призывая къ себѣ, грѣшному, ихъ милосердіе; дѣлится свое скудное имѣніе между двумя братьями и дядей и проситъ ихъ совершать по немъ заупокойныя службы и раздать милостыню бѣднымъ на поминъ его души ¹⁾. Опасность однако благополучно миновала. Іоакимъ остался живъ, а понесенные имъ труды, испытанныя имъ тяжелыя чувства и тѣ ужасныя картины горя и смерти, которыхъ ему пришлось быть свидѣтелемъ, послужили ему лишь на пользу, обогащая его суровымъ жизненнымъ опытомъ, закаляя его характеръ, очищая и возвышая умъ постоянною мыслию о жизни загробной.

Съ минованіемъ опасности жизнь папскаго Рима снова вошла въ свою обычную колею и молодой прелатъ конгрегациі di Buonogoverno долженъ былъ опять вернуться къ ис-

¹⁾ Полный переводъ завѣщанія см. Narfond, p. 61; Des Houx p. 85—86.

полненію своихъ текущихъ обязанностей. Въ смыслѣ служебной карьеры положенное имъ начало было весьма удачнымъ. Почти тотчасъ-же по выходѣ изъ академіи онъ уже былъ прелатомъ и занималъ теперь при конгрегаціи такое мѣсто, которое и для гораздо болѣе заслуженныхъ представлялось завиднымъ. Это хорошо сознавалъ и самъ Печчи, когда еще при назначеніи на должность писалъ брату, что хотя въ числѣ папскихъ прелатовъ онъ занимаетъ послѣднее мѣсто и другіе имѣютъ предъ нимъ преимущество, такъ какъ уже состоятъ прелатами болѣе долгое время, тѣмъ не менѣе онъ оказался предпочтеннымъ. Предпочтеніе было тѣмъ замѣтнѣе, что Печчи даже не имѣлъ еще никакого священнаго сана. Въ октябрѣ 1834-го года онъ возведенъ былъ лишь въ четыре низшія степени церковнаго служенія (такъ называемые *ordines minores*, т. е. привратника, чтеца, заклинателя и акомуа) и въ такомъ положеніи оставался еще послѣ того въ продолженіи трехъ лѣтъ, будучи уже и прелатомъ и понентомъ конгрегаціи. Только послѣ тревожныхъ дней холеры, въ декабрѣ 1837 г., Іоакимъ приступилъ, наконецъ, къ принятію священнаго сана. Для надлежащаго приготовленія къ достойному принятію посвященія Печчи поселился въ Свято-Андреевскомъ іезуитскомъ новиціатѣ, который находился рядомъ съ Квириналомъ — тогдашнею резиденціей папы. Здѣсь онъ пробылъ съ 10-го декабря до 6 января въ уединеніи, усиленной молитвѣ и самоуглубленіи, при чемъ 17-го числа посвященъ былъ въ санъ иподиакона, а 24-го въ санъ діакона. Насколько строгъ былъ его подготовительный подвигъ, объ этомъ можно судить хотя-бы по тому, что писалъ онъ 25-го декабря, т. е. на другой день послѣ діаконскаго посвященія, своему покровителю кардиналу Сала. „Послѣ пятнадцати дней упражненій въ строгомъ правилѣ, сегодня, въ праздникъ Рождества Христова, мой духовный руководитель даетъ мнѣ небольшой отдыхъ и дозволяетъ заняться тѣмъ, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ предметамъ духовнымъ. Пользуясь этою свободой, я и обращаюсь къ Вашему Пресвященству“.... Даже написать письмо къ кардиналу такимъ образомъ было возможно лишь тогда, когда въ ходѣ подготовительнаго подвига дано было нѣкоторое временное послабленіе. Наконецъ, 31-го декабря, Печчи посвященъ былъ

въ санъ пресвитера, при чемъ рукоположеніе совершалъ кардиналъ-викарій папы, монс. Одескальки, а 1-го января, въ день новаго 1838-го года, Іоакимъ, въ сослуженіи своего брата Іозефа, совершилъ свою первую миссу въ томъ-же іезуитскомъ новиціатѣ, въ маленькой капеллѣ Св. Станислава Костки. Эти исключительныя обстоятельства въ жизни Іоакима, сопровождавшіяся сильнымъ религіознымъ возбужденіемъ, вызвали у него одно интересное признаніе, имѣющее существенное значеніе для его характеристики. На другой день послѣ своей первой миссы Іоакимъ писалъ кардиналу Сала, между прочимъ: „Ваше Преосвященство сказали мнѣ въ своемъ послѣднемъ словѣ: „я хвалю вашу ревность; но не слѣдуетъ покидать тотъ путь, на который вы ступили и на которомъ можете оказать важныя услуги церкви и святому престолу“. Я долженъ открыть Вамъ, Ваше Преосвященство, тайну, которую до настоящаго часа хранилъ въ моемъ сердцѣ. Давно уже я чувствую сильную склонность покинуть міръ и всецѣло предаться жизни духовной и внутренней. Ибо я убѣжденъ, что міръ не можетъ дать достаточно счастья, чтобы успокоить сердце и удовлетворить его вполнѣ. Таково мое уваженіе и благоговѣніе къ отцамъ-іезуитамъ, которые съ самаго моего нѣжнаго возраста питали меня своимъ млеко́мъ, что я также сталъ-бы іезуитомъ, если бы, кромѣ моей склонности, я могъ усмотрѣть въ себѣ и особенное призваніе, которое должно чувствоваться къ жизни монашеской... За отсутствіемъ такого призванія, я не откажусь отъ того пути, по которому имѣю честь слѣдовать“ ¹⁾... Трудно, конечно, сказать, на какомъ рѣшеніи остановился-бы въ настоящемъ случаѣ молодой прелатъ, если бы онъ былъ предоставленъ только своимъ склонностямъ; но при данныхъ условіяхъ онъ послушался совѣта своего покровителя и мысль о вступленіи въ іезуитскій орденъ оставилъ на всегда. За послушаніемъ очень скоро послѣдовало и щедрое вознагражденіе: по рекомендаціи того-же кардинала Сала, папа Григорій, 12 февраля 1838 года, назначилъ Іоакима Печчи своимъ делегатомъ, т. е. правителемъ провинціи, въ Беневентъ и такимъ об-

¹⁾ Des-Houx 91; Narfond 63—64.

разомъ съ этого времени открывалась многолѣтняя эпоха его самостоятельной общественной дѣятельности.

Что-же представлялъ собою Печчи, выступая теперь общественнымъ дѣятелемъ? Что вынесъ онъ изъ школы? Какими обладалъ качествами для своего предстоящаго служенія? Какими цѣлями, какими идеалами желалъ руководиться?— Постараемся предложить отвѣтъ на эти вопросы, насколько возможно при имѣющихся для того довольно скудныхъ данныхъ.

Не подлежить, конечно, сомнѣнiю, что молодой прелатъ, прежде всего, отличался выдающимися способностями и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Всѣ годы его школьной жизни служать тому доказательствомъ, такъ какъ и въ коллегіяхъ и въ академіи онъ всегда выдѣлялся изъ ряда своихъ товарищей, блисталъ на диспутахъ, получалъ нервныя награды, медали и преміи. Въ письмахъ онъ самъ часто говоритъ о своихъ усиленныхъ занятіяхъ и не разъ неумѣренная въ этомъ отношеніи ревность доводила его даже до болѣзни, дважды причинившей ему великое огорченіе отсрочкою диспутовъ, на которыхъ ожидалось приеутствіе самого папы. Кругъ наукъ, которыми занимался Печчи въ продолженіи пятнадцати лѣтъ своего пребыванія въ учебныхъ заведеніяхъ, былъ, какъ мы видѣли, обширный. Начавъ съ усиленнаго изученія словесности и классическихъ языковъ, онъ проходилъ затѣмъ логику, математику, физику, химию, астрономію, метафизику, догматическое богословіе, священное писаніе, церковную исторію, библейскую полемику, церковную дипломатію, политическую экономію, гражданское и церковное право. Если принять во вниманіе ревность, успѣхи и отличія, какими заявлялъ себя Печчи во все время учебнаго курса, а также полученныя имъ докторскія степени по богословію, церковному и гражданскому праву, то нужно, конечно, признать, что это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ прелатовъ своего времени. Въ совершенствѣ владѣя изящною латинскою рѣчью, а въ занятіяхъ латинскимъ стихосложеніемъ находя для себя лишь отдыхъ и наслажденіе, Печчи изъ всѣхъ областей знанія особенно высоко цѣнили богословіе и, повидимому, приобрѣлъ въ немъ большую эрудицію. Богословскіе диспуты всегда были блестящимъ торжествомъ его глубокихъ познаній, а твореніями великихъ

отцовъ и учителей вселенской церкви онъ настолькоъ былъ проникнутъ, что даже въ частныхъ письмахъ по семейнымъ дѣламъ приводилъ свидѣтельства Іоанна Златоуста и Амвросія Медиоланскаго.—Находясь съ раннихъ лѣтъ подъ руководствомъ о.о. іезуитовъ, Печчи воспитался въ чувствахъ глубокаго, благоговѣйнаго уваженія къ своимъ наставникамъ, что многократно и самымъ рѣшительнымъ образомъ выражалось въ его собственныхъ признаніяхъ. Съ восторгомъ отзывался онъ о самоотверженной дѣятельности іезуитовъ въ Римѣ въ эпоху холерной эпидеміи и видѣлъ въ нихъ высшій образецъ для себя, когда приготовлялся къ принятію пресвитерскаго посвященія. „Искренно увѣряю Васъ“, писалъ онъ кардиналу Сала, „что я желаю быть истиннымъ священникомъ, служить Богу и ревновать о славѣ Его по всей правдѣ, въ томъ смыслѣ, какъ разумѣлъ это святой Игнатій и какъ, по его примѣру, разумѣютъ святые сыны его, среди которыхъ я имѣю счастье обитать“. Благоговѣніе молодого прелата къ іезуитскому ордену простиралось до такой степени, что нѣкоторое время онъ самъ, какъ мы видѣли, увлекался даже мыслию вступить въ число его членовъ. Долговременное пребываніе подъ воспитательнымъ руководствомъ іезуитовъ и особенное къ нимъ отношеніе Печчи естественно отразилось и на самомъ характерѣ его богословской мысли. Одну изъ выдающихся особенностей іезуитскаго воспитанія составляло, какъ извѣстно, стремленіе приучить питомца, чтобы онъ смиренно и безпрекословно подчинялъ свою мысль руководству признанныхъ авторитетовъ. Эта черта весьма замѣтно проявляется и въ письмахъ Печчи. Не смотря на юные годы и горячее увлеченіе научными занятіями, онъ совсѣмъ не обнаруживаетъ какого либо смѣлаго полета мысли и, повидимому, даже не задумывается надъ тѣми вопросами, готовое рѣшеніе которыхъ предлагаетъ ему католическая наука. Ни малѣйшихъ душевныхъ колебаній или сомнѣній мы не видимъ; онъ ревностно и неуклонно идетъ лишь по проложенному пути. Напряженная научная работа за многіе учебные годы имѣла у него по преимуществу воспринимавшій характеръ и направлялась главнымъ образомъ къ тому, чтобы какъ можно обильнѣе обогатить свой умъ познаніями, при чемъ не самостоятельная работа мысли поставлялась на первомъ планѣ,

а возможно болѣе широкое и основательное знакомство съ авторитетами. Въ результатѣ и получилась та богатая богословская эрудиція, которая желала каждую мысль подтвердить свидѣтельствами уважаемыхъ церковію отцовъ, учителей и богослововъ и которая стремилась проявить себя даже въ семейной перепискѣ. А изъ всѣхъ авторитетовъ католическаго богословія самымъ высшимъ и непререкаемымъ въ глазахъ Печчи былъ тотъ „архимандритъ богослововъ“, „doctor angelicus“, Тома Аквинскій, предъ которымъ его научили преклоняться съ первыхъ-же шаговъ его богословскихъ занятій.

Съ выдающимися способностями и ученостью молодой прелатъ, судя по его письмамъ, соединялъ глубокую религіозность. Чему положено было основаніе благочестивымъ вліяніемъ семьи, то впослѣдствіи, очевидно, укрѣплялось и развивалось благодаря воспитательному руководству и назидательному примѣру отцовъ-іезуитовъ, которые приучали своихъ питомцевъ къ систематическимъ упражненіямъ въ молитвѣ. Съ наибольшею силой религіозное настроеніе Печчи проявлялось при какихъ-либо особенныхъ, печальныхъ или радостныхъ, обстоятельствахъ его личной жизни. Въ декабрѣ 1830 г. напр. умеръ въ Римѣ, въ самомъ расцвѣтѣ юности, нѣжно любимый братъ его Фердинандъ, младшій членъ ихъ семьи. Сообщая печальную вѣсть брату Джюванни въ Карпинето, Іоакимъ, между прочимъ, писалъ: „я любилъ его . . . , а потому ни за что не покину до тѣхъ поръ, пока по моимъ слезамъ и молитвамъ онъ не водворится въ горѣ Господней, куда его призываютъ его достоинства, гдѣ вѣчная жизнь, гдѣ нѣтъ ни истлѣнія, ни заразы, ни стона, ни печали; гдѣ нѣтъ общества мертвыхъ, но истинная область живыхъ, въ которой это смертное тѣло облекается безсмертіемъ и тлѣнное нетлѣніемъ. Такъ говорилъ св. Амвросій при смерти Θεодосія: такъ и меня заставляетъ говорить печаль!“ Въ своемъ горѣ онъ ищетъ утѣшенія въ религіи. „Я твердо рѣшился на восемь дней заключиться въ уединеніе при храмѣ свв. Іоанна и Павла“... „а вы, милый братъ, будьте тверды и не предавайтесь печали болѣе, нежели сколько требуетъ того природа и кровь. Вспомните слова Златоуста: должно помогать мертвымъ не слезами, а молитвами“... Въ 1835 году тревожныя вѣсти пришли изъ

Карпинето о томъ, что самъ глава семьи тяжело болѣеть и почти нѣтъ надежды на его выздоровленіе. По этому поводу Іоакимъ писалъ брату Джіованни: „милый братъ! Каково-бы ни было положеніе папы, прошу васъ лишь объ одномъ: пусть первая мысль ваша будетъ о душѣ. Позаботьтесь неотступно о томъ, чтобы душа отца нашего была спасена!...“ Когда ожидавшаяся и неизбежная катастрофа совершилась; Іоакимъ опять искалъ утѣшенія въ религіи. „Послѣ того, какъ естественное чувство дастъ себѣ полное выраженіе, не долженъ-ли восторжествовать голосъ разсудка? А онъ учитъ насъ, что такова участь всякаго, живущаго въ семъ мірѣ, и кратковременна продолжительность странствованія въ настоящей жизни даже и тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе намъ дороги. А за тѣмъ и религія,—именно религія, говоритъ намъ еще болѣе краснорѣчиво. Въ столь скорбномъ событіи она осушаетъ наши слезы“.—Какъ при скорбяхъ Печчи прибѣгалъ къ религіи, такъ она-же укрѣпляла его и въ дни высокихъ радостей. „Еще нѣсколько дней“, писалъ онъ напр. 25 декабря 1887 г. брату Карлу, „и я буду священникомъ. Высота и превосходство этого сана, а съ другой стороны мое крайнее недостоинство, глубоко волнуютъ мою душу, заставляютъ колебаться и тревожиться при видѣ приближенія этого великаго дня. Богъ, призвавшій меня къ Своему алтарю, да дастъ мнѣ силы и мужества приступить къ нему съ усердіемъ и ревностію и да ниспослетъ мнѣ помощь, необходимую для святаго служенія и для достойнаго слѣдованія Его божественному призыванію. Я очень желалъ-бы и весьма былъ-бы вамъ признателенъ, если бы вы заказали отслужить за меня торжественную или тайную миссу, чтобы Св. Духъ снизошелъ на меня съ полнотою своихъ даровъ. Увѣряю васъ, что ничего въ мірѣ вы не можете сдѣлать для меня болѣе пріятнаго, и увѣренъ, что сдѣлать это не откажетесь“... По поводу того-же пресвитерскаго посвященія кардиналу Сала Печчи писалъ: „этотъ великій шагъ внушаетъ мнѣ только ужасъ, когда я подумаю съ одной стороны о высотѣ и превосходствѣ священства, а съ другой—о моемъ крайнемъ недостоинствѣ. Не забудьте обо мнѣ, Владыко: походатайствуйте отъ всего сердца и попросите другихъ ходатайствовать за меня предъ Господомъ! Увѣряю васъ, что я искренно желалъ-бы

быть истиннымъ священникомъ и служить Богу и ревновать о славѣ Его по всей правдѣ“... Черезъ недѣлю послѣ рукоположенія онъ писалъ брату: „я на вершинѣ блаженства и отъ всей души благословляю Господа, Который не только облекъ меня столь превосходнымъ достоинствомъ; но и даетъ мнѣ этотъ миръ и эту духовную радость, которыя поистинѣ превосходятъ всякое чувство, *exsuperat omnem sensum*“.— Сомнѣваться въ искренности этихъ чувствъ у насъ нѣтъ основаній, ибо какая была надобность Іоакиму притворяться и лицемерить предъ своими старшими братьями, которые прекрасно знали его съ дѣтскихъ лѣтъ. Если при такихъ совершенно интимныхъ обращеніяхъ къ близкимъ людямъ изъ подъ его пера изливались при всякомъ удобномъ случаѣ благочестивыя мысли и настроенія, то, очевидно, онѣ составляли неотъемлемую принадлежность его внутренняго душевнаго склада.

Было-бы, однако, большою ошибкой судить о стремленіяхъ молодаго прелата только на основаніи его благочестивыхъ изліяній. Въ годы отрочества, родители и покровители поставили его на путь служенія церкви, какъ мы видѣли, совсѣмъ не для того, чтобы онъ всецѣло посвятилъ себя Богу. Соотвѣтственно господствовавшему тогда въ папскомъ государствѣ порядку, они смотрѣли на этотъ путь, какъ на лучшее средство къ тому, чтобы ихъ питомецъ составилъ себѣ возможно болѣе блестящую карьеру, что откровенно внушали и ему самому. Послѣдующіе его наставники, отцы-іезуиты, также какъ извѣстно, далеко не были идеалистами, Упражняясь въ подвигахъ благочестія и устремляя подчасъ свои взоры къ небу, они тѣмъ не менѣе не только никогда не чуждались міра, но, напротивъ, настойчиво стремились проникнуть во всѣ сферы его жизни и подчинить ихъ своему вліянію. Съ именемъ іезуита въ глазахъ даже всякаго искренняго католика соединяется представленіе не только о благочестивомъ патерѣ, но и непремѣнно о практическомъ дѣятелѣ и тонкомъ дипломатѣ и эти качества іезуита-наставника, конечно, прививаются его питомцамъ. При подобныхъ условіяхъ нисколько не удивительно, если и у молодаго Печчи, при всемъ его благочестіи, мысль о карьерѣ очень часто и настойчиво выступаетъ на видъ. Тотъ, который въ моменты религіознаго возбужденія убѣж-

денно разсуждаетъ о суетности всего земнаго, трепещетъ предъ высотой священства и мечтаетъ быть истиннымъ пастыремъ, чтобы всего себя отдать на дѣло божественнаго служенія, при другихъ обстоятельствахъ, повидимому, заявляетъ себя лишь узкимъ честолюбцемъ, вся цѣль жизни котораго состоитъ только въ томъ, чтобы сдѣлать блестящую карьеру. Въдѣ въ каждомъ человѣкѣ духъ и тѣло и у каждаго, въ большей или меньшей степени, неизбѣжная борьба стремленій высокихъ, идеальныхъ съ житейскими и часто низменными. Нѣкогда Печчи, будучи студентомъ академіи, готовился къ публичному диспуту въ присутствіи папы и вотъ что писалъ онъ тогда по этому поводу: „это будетъ дѣло великое и славное, но представляется мнѣ труднымъ и сильно тревожить меня. Нужно постараться привести его къ доброму концу для блага и меня и всей нашей фамиліи“.... „оно совсѣмъ измѣнитъ мое положеніе... Вся священная коллегія соберется слушать меня. Этотъ первый шагъ откроетъ мнѣ блестящую карьеру“.—Послѣ одного изъ состоявшихся съ успѣхомъ диспутовъ, на которомъ присутствовалъ кардиналъ Сала, Печчи спѣшилъ сообщить: „въ лицѣ кардинала Сала, имѣющаго большую силу, я приобрѣлъ себѣ могущественнаго покровителя“. Избранный въ члены литературнаго общества, онъ въ особенности радовался потому, что „это избраніе почетно и даже необходимо ему для содѣйствія успѣху той карьеры, въ которой онъ стремится сдѣлать лишь первые шаги“. Вступивъ въ свой служебный путь, Печчи писалъ старшему брату: „мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы итти по пути прелатуры. Меня побуждаютъ къ тому и здравый разумъ и представляющійся хорошей случай. Я не сомнѣваюсь, что вы, при вашей разсудительности и при вашемъ горячемъ стремленіи поддержать блескъ фамиліи, вполне одобрите мое рѣшеніе. Этотъ шагъ необходимо сдѣлать, если мы не хотимъ потерять плодъ пятилѣтняго пребыванія въ академіи“... „По милости Его Святѣйшества вотъ я теперь на новомъ пути, гдѣ постараюсь изъ всѣхъ моихъ силъ отвѣчать желаніямъ и взглядамъ фамиліи, содѣйствуя всему тому, что можетъ возвысить ея честь и славу“.—Но для характеристики Печчи въ этомъ отношеніи всего интереснѣе письмо его къ брату отъ 3-го іюля 1837 г., гдѣ мы видимъ довольно

полное и откровенное изложеніе его житейской теоріи. „Со свойственнымъ мнѣ“, писалъ онъ, „въ моихъ дѣлахъ чисто-сердечіемъ, особенно относительно родныхъ, я могу васъ увѣрить, что съ того самаго дня, когда, исполняя желанія отца, я вступилъ на мою настоящую каррьеру, у меня одна только цѣль,—вести себя достойно и употреблять всѣ свои силы, чтобы итти все впередъ по іерархическимъ степенямъ прелатуры, и чтобы такимъ образомъ фамилія наша, преуспѣвая въ славѣ и вліяніи, въ которыхъ, по милости Божіей, у нея не было недостатка и доселѣ, все болѣе и болѣе возвышала свою достойную репутацію въ странѣ. Преслѣдуя эту цѣль, я убѣжденъ, что вполне соотвѣтствую намѣреніямъ отца, которыя до такой степени считаю для себя закономъ, что никогда во всю мою жизнь совѣсть не позволила бы мнѣ имъ противорѣчить. При моей молодости я навѣрное буду въ состояніи сдѣлать свою каррьеру такъ, что она послужитъ къ чести фамиліи, если мое поведение будетъ безукоризненно и не будетъ у меня недостатка въ покровителяхъ—два условія, какъ вы знаете, необходимы въ Римѣ, чтобы возвыситься вѣрно и быстро. Будучи въ прелатурѣ всего лишь пять мѣсяцевъ, я уже миновалъ ея первую ступень. Быть можетъ для васъ будетъ радостію узнать, что кардиналъ Сала рѣшительно принялъ меня подъ свое покровительство... и я уже пользуюсь нѣкоторымъ довѣріемъ, конечно не заслуженнымъ, у двухъ государственныхъ секретарей. Самъ верховный первосвященникъ смотритъ на меня благосклонно. Я могъ убѣдиться въ этомъ хотя бы вчера во время аудіенціи, когда, явившись выразить Его Святѣйшеству свои чувства преданности, былъ принятъ имъ съ совершенно особенною добротою и снисходительностію“ ¹⁾. Итакъ—карьеру, честь фамиліи, пріобрѣтеніе покровителей, благосклонность сильныхъ міра и возможно быстрое возвышеніе, вотъ тѣ мысли и тѣ заботы, которыя у молодого человѣка постоянно на умѣ, и первые успѣхи по службѣ, повидимому, вполне соотвѣтствовали его желаніямъ. Прошелъ лишь одинъ годъ по выходѣ изъ академіи, какъ Печчи, самый младшій среди прелатовъ, имѣя всего только двадцать восемь лѣтъ отъ роду, полу-

¹⁾ Письмо это см. Narfond 60; Des-Noix 78—79.

чиль уже назначеніе на почетный и отвѣтственный постъ самостоятельнаго правителя цѣлой провинціи.

При знакомствѣ съ начинающимъ администраторомъ интересно, наконецъ, узнать, каковы были его политическія воззрѣнія. Нѣкоторое понятіе о нихъ можно составить на основаніи его отзывовъ о тѣхъ или другихъ современныхъ событіяхъ. Избраніе и вступленіе на престолъ папы Григорія XVI-го напр. Печчи привѣтствовало съ величайшимъ сочувствіемъ. Онъ говорилъ о его будто-бы непримѣрной популярности, о томъ, что всѣ его соперники меркнутъ предъ нимъ, какъ предъ „лучезарнымъ солнцемъ“ и т. д. Между тѣмъ этотъ папа былъ ревностный приверженецъ политики Меттерниха, крайній абсолютистъ и вскорѣ-же по его вступленіи на престолъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ церковной области вспыхнуло противъ него народное возстаніе. Противъ своихъ возмущившихся подданныхъ Григорій прибѣгъ къ мѣрамъ суровой репрессіи, а затѣмъ призвалъ вооруженную помощь австрійцевъ, сильныя гарнизоны которыхъ вступили въ Италію и заняли Модену и Парму. Такой образъ дѣйствій Григорія, давно уже многократно практиковавшійся многими изъ его предшественниковъ и сильно возмущавшій итальянскихъ патріотовъ, со стороны Печчи вызывалъ лишь полное сочувствіе. По поводу усмиренія возстанія онъ писалъ напр: „твердость папы въ его открытомъ рѣшеніи наказать мятежниковъ по всей строгости законовъ пріобрѣла ему всеобщее одобреніе благомыслящихъ людей“. Въ его-же письмѣ читаемъ: „вчера вывѣсили объявленіе кардинала Бернетти, которое разсѣяло всякій страхъ и вызвало радость въ Римѣ. Государственный секретарь возвѣщалъ въ немъ о походѣ австрійцевъ въ возмущившія провинціи и о занятіи ихъ войсками Модены и Пармы. Экспедиціонный корпусъ, направляющійся къ Болоньѣ, состоитъ изъ 16,000 человекъ. Эта цифра дастъ вамъ понять, что вопросъ рѣшенъ и, не доводя до необходимости сраженія, возставшія провинціи быстро подчинятся законному государю“. Когда-же вслѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства Франціи, Пруссіи и Россіи, австрійскои оккупациіи былъ положенъ конецъ и правительству Григорія внушено было произвести для предупрежденія беспорядковъ необходимыя внутреннія реформы, Печчи встрѣтилъ этотъ оборотъ

событій съ нѣкоторымъ недовольствомъ. „Эта новость“, писалъ онъ, „хотя и предвидѣнная, въ сущности прискорбна, ибо оставленные *братьями-кѣмцами*, мы подвергаемся опасности опять сдѣлаться жертвами какого-либо новаго внезапнаго нападенія мятежниковъ“. Насколько можно судить по этимъ немногимъ даннымъ, слѣдуетъ, повидимому, признать, что будущій правитель Беневента былъ ревностнымъ приверженцемъ папы — государя и сторонникомъ его политики.

В. Соколовъ.
